

ПАВЕЛ МУРАТОВ, ИЛИ ИНЕРЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО КАНОНА

© 2019 г. Р. Джулиани

Доктор филологических наук,
ординарный профессор Римского университета “Ла Сапиенца”,
Италия, 00185, Рим, пл. Альдо Моро, 5.
giulianir@tiscali.it

Дата поступления материала в редакцию: 28 августа 2018 г.

Дата публикации: 30 апреля 2019 г.

PAVEL MURATOV, OR THE INERTIA OF THE LITERARY CANON

© 2019 Rita Giuliani

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at “La Sapienza” University of Rome,
piazzale Aldo Moro 5, 00185, Rome, Italy
giulianir@tiscali.it

Received: August 28, 2019

Date of publication: April 30, 2019

Статья посвящена проблеме стабильного исключения из русского литературного канона книги П.П. Муратова “Образы Италии” (1911–1912), произведения, обладающего высокой литературно-художественной и культурной ценностью и продолжающего традицию “Писем русского путешественника” Н.М. Карамзина. Несмотря на высокое литературное качество текста и большой успех, который начиная с 1990-х гг. сопровождает многочисленные переиздания книги, и она сама, и ее автор игнорируются в академических историях русской литературы, издаваемых как в России, так и на Западе. Это свидетельствует об устойчивости русского литературного канона и его сопротивлении любого рода трансформациям.

Ключевые слова: П.П. Муратов, “Образы Италии”, истории русской литературы, литературный канон, инерция канона.

The basic task of this article is to present the case of Pavel Muratov’s famous book *Images of Italy* (*Obrazy Italii*, 1911–1912), a unique literary work of high artistic and cultural value, up to now excluded from the Russian literary canon. Inherited literary syncretism and the great influence on the Russian audience, the book follows the tradition of Nikolay Karamzin’s *Letters of a Russian Traveler* (*Pis'ma russkogo puteshestvennika*, 1797). In this typological sense both books have to be seen as masterpieces of a great importance as for the history of Russian literature, taste and the models of social behavior. But despite of this and more over the real success of the numerous new editions of *Images of Italy* among the Russian public, the book and its author have been routinely ignored in the mainstream histories of Russian literature, both in Russia and abroad. This clearly attests to the inertia and solidness of the Russian literary canon and its resistance to any transformation.

Keywords: P. Muratov, *Images of Italy*, histories of Russian literature, literary canon, inertia of canon.

Для цитирования: Джулиани Р. Павел Муратов, или инерция литературного канона // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Том 78. № 2. С. 5–13.

For citation: Giuliani, R. *Pavel Muratov, ili inertiya literaturnogo kanona* [Pavel Muratov, or the Inertia of the Literary Canon]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No 2, pp. 5–13. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S241377150004947-4

Для панорамы русской литературы 1990-х гг. Павел Павлович Муратов (1881–1950) — одно из наиболее впечатляющих “возвращенных имен”. Одновременный выход двух изданий “Образов Италии” в 1993–1994 гг. ([1]; [2]), через 70 лет после полной публикации произведения в Германии [3] и более чем через 80 лет после первого неполного русского издания [4], вернул его имя в ряд самых значительных писателей Серебряного века. Начиная с первых годов XXI века переиздания его книги стали почти что периодическими.

Кроме того, что он был эссеистом, журналистом, искусствоведом, военным историком, рафинированным переводчиком с итальянского, английского и французского языков, Павел Муратов был автором художественных произведений — романа “Эгерия” (1922) и четырех сборников новелл и рассказов: “Герои и героини” (1918, 2-е изд. 1929), “Магические рассказы” (1922, расширенное и дополненное изд. 1928), “Три рассказа” (1922) и “Морали” (1923). Муратов написал также три комедии: “Кофейня” (1922), “Приключения Дафниса и Хлои” (1926) и “Мавритания” (1927).

Поскольку Муратов был эмигрантом, его творчество в России при советском режиме игнорировалось, и только после развала СССР некоторые его произведения стали понемногу переиздаваться. Тем не менее творчество Муратова всё ещё не стало частью русского литературного канона и забыто даже в трудах по истории русской эмиграции, как, например, в книге Марка Раева “Россия за рубежом” (1994) — к вящему посрамлению подзаголовка “История культуры русской эмиграции 1919–1939” [5]. Глеб Струве посвятил Муратову одну страничку в книге “Русская литература в изгнании” [6, с. 120–121]; в историях русской литературы, выходящих на Западе, Муратов тоже оказался в небрежении: например, он не упомянут в “Истории русской литературы” Виктора Терраса (1991) [7] и в “Энциклопедическом словаре русской литературы с 1917 года” Вольфганга Казака [8]. Муратов был в течение многих лет забыт и патриархом итальянской русистики Этторе Ло Гатто: при том что последний был другом и искренним почитателем русского писателя (см.: [9, с. 99–106; 10, с. 56–59]), в своих работах по истории русской литературы он посвятил творчеству Муратова всего 10 строк, упомянув его как автора “Образов Италии” и романа “Эгерия” в своей “Истории русской литературы” [11, с. 841], но не назвал имени Муратова в своих учебниках “Современная русская литература” (1968) [12] и “Пособие по русской литературе от истоков до Солженицына” (1975) [13].

Задуматься заставляет и отсутствие имени Муратова в русских изданиях по истории русской литературы, увидевших свет после 1990 г. В то время как творчеству Муратова посвящены обширные энциклопедические статьи в биографических словарях “Русские писатели. 1800–1917” [14, с. 171–175], “Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940)” [15, с. 124–130], “Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции” [16, с. 432–435] и в библиографическом словаре “Русские писатели. XX век” [17, с. 69–72], даже следа имени Муратова нет ни в “Истории русской литературы XX века (20–90-е годы). Основные имена” (1998) [18], ни в двухтомной “Истории русской литературы. XX века” Е. Абелюк и К. Поливанова (2009), составленной по принципу “медальонов” [19], ни в трехтомнике “Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков” (2016) [20]¹. В “Истории русской литературы XX — начала XXI века. Часть I. 1890–1925 годы” (2014) Муратову посвящены буквально 5 строчек [21, с. 36].

На Западе Муратову повезло ничуть не больше. Если ограничиться только русистикой Италии — страны, с которой Муратов был теснее всего связан биографически, эмоционально и творчески, ему нет места в наиболее известных трудах по истории русской литературы — таких как монументальная трехтомная “История русской литературы” под редакцией В. Страды, Е. Эткинды, И. Сермана и Ж. Нива (1989), в которой последний бегло упоминает лишь “Образы Италии”, ошибаясь при этом в названии издательства [22, с. 737]; Муратов проигнорирован и в “Истории русской литературной цивилизации” под редакцией Микеле Колуччи и Риккардо Пиккио (1997) [23], равно как и в самых последних по времени выхода “Истории русской литературы XX века” Гвидо Карпи (2016) и “Истории русской литературы” А. Кана, М. Липовецкого, И. Рейфман и С. Сандлер (2018) [24].

Австралийский критик Клайв Джеймс в своей книге “Cultural Amnesia. Necessary Memories from History and the Arts” (“Культурная амнезия. Необходимая память истории и искусства”, 2007) посвятил Муратову очерк, в котором заметил: “He [Muratov] wrote at least one book well equipped to last beyond his time and ours as well, but today it is as he had never existed” [25, с. 524]. Это — “Образы Италии”, книга, которая поразила Джеймса “like a long and beautiful poem” [25, с. 526], и по поводу которой критик вопрошает: “Can a great book vanish? The fate of Muratov’s *Obrazy Italii* <...> suggests that

¹ Кн. 3 еще не вышла, но там тоже Муратова не будет, несмотря на то, что до эмиграции (1922 г.) он опубликовал в России три сборника новелл и рассказов.

it can” [25, с. 526]. Джеймс оценивает книгу в апологетических тонах, подчеркивая магическое очарование стиля, дерзость и обоснованность некоторых критических суждений, новаторских для времен Муратова, верность вкуса и “ability to compress an encyclopaedic erudition into a dramatic prose narrative” [25, с. 529]: “As a book on Italian Grand Tour it not only stands directly in the tradition of Goethe, Gregorovius, Burckhardt and Arthur Symons, but it is better than any of them. (Better than Goethe? Yes, better than Goethe)” [25, с. 527].

Определение “a genuine unknown masterpiece” [25, с. 527], однако, может быть актуально только для читателя, не являющегося русистом, поскольку книга на самом деле отнюдь не забыта. Преломляя полемическое копье в пользу итальянской русистики, необходимо вспомнить то, о чем и Джеймс вскользь упоминает, не называя, однако, имен: начиная с середины 1990-х гг. две итальянские исследовательницы, Патриция Деотто и Даниела Рицци, посвятили Муратову свои весьма значительные труды как биобиблиографического [26, с. 365–394], так и литературно-критического характера [27, с. 85–93]; при этом в работе Даниелы Рицци творчество Муратова вписано в широкий контекст литературы модернизма [28, с. 179–195].

Тем не менее, Джеймс поставил вполне конкретную проблему. Длительное забвение имени Муратова поднимает вопросы, принципиально важные с точки зрения представлений о русском литературном каноне и критериях его построения.

Джеймс лишь бегло касается возможных причин этого забвения творчества Муратова: невнимание к нему самих русских эмигрантов, полувековая увлеченность западной интеллигенции эстетическим каноном марксизма-ленинизма и, следовательно, постоянные уступки ему в том, что касается оценки произведений так называемой “буржуазной” русской культуры, которые не вписываются в требования советского культурного истеблишмента [25, с. 529].

В среде же русской эмиграции, часто раздираемой взаимной враждой и соперничеством, художественные произведения Муратова оценивались очень по-разному [29, с. 103–106]. Г.В. Иванов в 1927 г. оценивал их как анахронизм, утверждая: “Важно другое: все они одинаково made in 1910” [30, с. 507]. Напротив, роман “Эгерия” был высоко оценен М. Слонимом [31, с. 52–61] и М. Алдановым [32, с. 403–406]. В эти годы сложились штампы, надолго определившие отношение к писателю: утверждения о чужеродности его текстов национальной литературной традиции и его постоянно подчеркиваемая склонность к подражанию

повествовательной манере и стилю Анри де Ренье. Если говорить о первом из этих штампов, вспомним, что в те же самые годы как “чуждые” и “бесполезные” осуждались и Замятин, и Булгаков.

В 1928 г. о “Магических рассказах” дал пронизывающее суждение В.Ф. Ходасевич: “И вот, на фоне несовременного построения, на фоне не-русского стиля, не-русского пейзажа и не-русского города — из рассказов Муратова глядит на нас лицо автора, глубоко взволнованного прежде всего европейской современностью и смотрящего на нее так, как может смотреть именно русский, в двойственном сознании глубокой связи и глубокой отличности” [33, с. 179].

Еще в середине 1950-х гг. Глеб Струве подчеркнет культурность, изысканность, “западноевропейский покров” писателя; заметит, что «его рассказы и его исторический роман “Эгерия” отмечены занимательной фабулой, быстро разворачивающимся действием, нарочитым пренебрежением к психологизму» [6, с. 121]. Тем не менее, по мнению критика, они остаются вне толстовской традиции, и его пьесы (из которых Струве вспомнит только две) “тоже, скорее, вне русской драматической традиции” [6, с. 121]. Но может ли это быть основанием для исключения писателя из национального канона? Без новаторства и потрясения основ традиции невозможна динамика ни культуры, ни литературы.

Однако наша задача заключается не в том, чтобы доказать художественную ценность литературного наследия Муратова или обосновать его позиционирование в литературном процессе определенной эпохи; скорее, это необходимость задаться вопросом о правомерности исключения даже “Образов Италии”, по единодушному приговору времен — бесспорного шедевра писателя, из русского литературного канона. Столь же единодушно все исследователи, занимавшиеся этим текстом, подчёркивают сложность его жанровой дефиниции и его демонстративную книжность. Именно это последнее свойство препятствует отнесению “Образов Италии” к разряду литературы путешествий или очерковой литературы. Так, мы оказываемся перед лицом парадоксального факта: “Образы Италии” — эта культовая книга, культурное значение которой признано единогласно, не является частью национального литературного канона.

Здесь уместно задаться вопросом: а какие, вообще говоря, литературные жанры должны быть признаны литературным каноном? Это только художественная литература? История литературы свидетельствует о том, что критерии вхождения текста или имени в литературный канон

разнообразны и неоднозначны [34]. И как относиться к произведениям гибридной поэтики с точки зрения теории жанров, допустив, что в XXI веке эта теория еще легитимна? Можно ли игнорировать книгу, ставшую культурным событием и впечатавшуюся во вкус и нравы эпохи? Представляется, что ответ на этот вопрос должен бы быть отрицательным в том случае, если рамой, в которую мы вписываем такую книгу, является не столько изящная словесность как таковая, т.е. художественная литература, сколько история национальной словесности как отрасли духовной жизни данной цивилизации.

Неприятие “Образов Италии” русским литературным каноном представляется тем более неправомерным, что при этом оказывается забытым одно из наиболее знаменитых и при этом типологически наиболее близких книге Муратова произведений русской словесности — “Письма русского путешественника” Н.М. Карамзина. Невзирая на глубокие и, я бы сказала, вполне очевидные различия, природа этих произведений, гибридов изящной словесности и публицистики, едина. Одно — утопическое и оптимистичное, другое пронизано ностальгией по далекому и безвозвратно ушедшему золотому веку: довольно-таки типичный феномен “генетической памяти литературы” (по выражению С.Г. Бочарова) [35, с. 539–550].

К “Образам Италии” вполне применимы жанровые дефиниции, даваемые “Письмам русского путешественника”: “своего рода беллетризованный Бедкер, украшенный забавными сюжетами справочник для путешественников по Европе” [36, с. 531], но тот факт, что обе книги остаются востребованными читателями на протяжении двух и одного веков соответственно (цитирую утверждение Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского по поводу книги Карамзина), — “свидетельствует, что перед нами не указатель достопримечательных мест, а литературное произведение” [36, с. 531]. “Письма” Карамзина соединяют в своем нарративе «признаки “нехудожественности” и жанрового синкретизма, ориентацию не на какой-либо жанровый канон, а на свободную смесь разнохарактерных в жанрово-стилистическом отношении отрывков» [36, с. 568]. То же самое происходит в книге Муратова.

Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский определили роль “Писем русского путешественника” в русской культуре — и эта роль удивительно аналогична той, которую играют в ней “Образы Италии”: «Путешественник Карамзина — это путешественник с книгой в руках. Он смотрит на то, что уже знает по описаниям, и не стесняется книжных

займствований в своем произведении <...> печатный текст “Писем”, с одной стороны, как бы переливался в жизненное поведение читателей, становясь фактом культуры чувств и поступков людей, чья жизнь лежала за пределами искусства, а с другой — вливался в синкретическое единство культуры, становясь словесным элементом <...> ее целого — того культурного мира, в который входили памятники архитектуры, живописи, всех форм человеческого труда и обжитого человеком пространства Европы, а прошлое и настоящее сливались в неразрывности памяти» [36, с. 572–573].

Карамзин в России положил начало традиции “чувствительного путешествия”, которая, будучи отвергнута культурным переворотом, последовавшим за первой мировой войной, революцией 1917 г. и семьюдесятью годами советского режима, обрела в “Образех Италии” свой пункт конечного назначения.

В книге Муратова очевидны элементы литературности: стиль, словесно-образная структура, тропы. Образный способ выражения — это для историко-критического труда установка необычная, поскольку образность — это сущностная особенность поэзии. Образы Муратова обладают теми самыми качествами, которые Роже Кайлуа считает неотъемлемым признаком поэтического образа: у них есть собственная энергия, они “верны и предполагаемы” и как бы колеблются между “очевидностью и неожиданностью” [37, с. 59]. Таковы, например, следующие образы: “Внезапно смолкают птицы на дуилистых деревьях парка. Деревенская улица безлюдна, и на ней дремлет старый пес, уронив свою седую голову в мягкую пыль. И самая пыль спит крепким сном, и ветер напрасно будит ее” [1, т. I, с. 226]; “Рим дорог тем, что в нем так прекрасно и так печально. <...> Все, на чем останавливается здесь взор, — гробницы, но так долго обитала здесь смерть, что этот старейший и царственнейший из ее домов стал, наконец, самым домом бессмертия” [1, т. II, с. 22].

Грандиозную и гармоничную картину создает искусное сочетание “образов”, будь то лаконичная метафора (“Даже акведуки кажутся здесь стадами, бегущими через пространства” — о Римской Кампанье; [1, т. II, с. 100]), массовая сцена, жанровая картинка, описание памятника, пейзаж, экфрасис произведения искусства, биографический набросок, исторический эпизод, адресация к эмоциям. Образы вовлекают в рецепцию текста не только зрение, но и другие ощущения: обоняние, осязание, слух и даже вкус. Субъективно-личностный критерий их отбора и тот факт, что в основу текста книги легли воспоминания и впечатления

путешествия, “сердечные излияния”, столь частотные в нарративе книги, позволяют рассматривать ее жанровую специфику на фоне автобиографических жанров, таких, как мемуарная литература и эссеистика, позволяющих говорить об автобиографизме Муратова, подразумевая под этим термином метод писателя, переносящего в текст субъективные переживания [38, с. 5–6].

Прозрачной ясности образов в “Образы Италии” соответствует почти терминологическая точность выразительного плана текста — и в результате эти образы периодически обретают афористический характер: “Маска, свеча и зеркало — вот образ Венеции XVIII века” [1, т. I, с. 64].

В 1926 г., в статье “Искусство прозы”, излагая свою собственную теорию прозы, Муратов определил особенности так называемого *эссеизма*. Согласно его суждению, историки, путешественники, мемуаристы, эссеисты сопрягают в своих произведениях “прозу повествовательную и описательную” и «кажутся нам уже совсем “художниками” по мастерству и изяществу языка, <...> “эссеисты” вообще доказывают, что мысль может быть таким же элементом художественного делания, как и слово» [39, с. 241]. И, в частности, “всякий мемуарист стремится восстановить былое, воскресить жизнь. В рассказе его должна быть для этого особая степень жизненной *заразительности*”² [39, с. 242]. Все эти нарративные элементы легко обнаружить в “Образы Италии” — специфика муратовской манеры повествования самым счастливым образом предвещает его теорию прозы.

Индикатором своеобразие индивидуальной теории прозы Муратова становится то восхищение, которое он питал перед стилем и повествовательными стратегиями “Мемуаров” Казановы; вот что он писал о Казанове в “Образы Италии”: «...эта книга может служить примером повествовательной прозы. <...> Но всякий писатель должен со вниманием приглядеться к тому, как удержана небледнеющая жизнь на этих страницах. Каждый должен пройти через этот опыт колоссальной повествовательной энергии. <...> Оставаясь верным действительности, Казанова был одарен в то же время необыкновенным воображением. Никакая память, даже его память, не в силах удержать с такой ясностью неисчислимы подробности. Изображая их с такой зрительной правдой и такой живой осязательностью, он, несомненно, испытывал прилив подлинного вдохновения. И это вдохновение — чисто писательское творчество. <...> Для нас его книга драгоценна, ибо пробуждает в нас

то “сочувствие”, которое является целью всякого художественного произведения» [1, т. I, с. 82, 83].

Этой последней фразы не постыдился бы и сам Карамзин.

Достаточно ли сказанного выше для того, чтобы говорить об “Образы Италии” как о художественном произведении? По-моему, да — если только признать, что книга Муратова обладает всеми его признаками — формальным совершенством текста, изысканным стилем, нарративными стратегиями, основанными на доминанте художественной образности, наконец, ориентацией на “чувствительное путешествие”, придающей тексту “особую степень жизненной *заразительности*”. Этот критерий — “заразительность” — Муратов унаследовал от Льва Толстого, утверждавшего в статье “Что такое искусство?»: “Признак, выделяющий настоящее искусство от поддельного, есть один несомненный — заразительность искусства” [40, с. 148], и далее уточнявшего: “Искусство же становится более или менее заразительно вследствие трех условий: 1) вследствие большей или меньшей особенности того чувства, которое передается; 2) вследствие большей или меньшей ясности передачи этого чувства и 3) вследствие искренности художника, то есть большей или меньшей силы, с которой художник сам испытывает чувство, которое передает” [40, с. 149].

Что же касается проблемы гибридности жанра, столь счастливо воплощенной в “Письмах русского путешественника” Карамзина, то и Муратов, следуя этим путем, навсегда вписал свои “Образы Италии” в литературную традицию XX века, особенно преданную идее синтеза жанров и размывания их границ. На своем текстовом уровне “Образы Италии” отличаются тем самым “эстетическим достоинством”, которое для Бодлера и Ауэрбаха составляло отличительный признак каноничности литературного произведения [41, с. 32]. Критик Гарольд Блум заметил: “Текст врывается в канон только благодаря энергии своего эстетического достоинства, которое заключается прежде всего в сплаве изобразительной мощи дискурса, оригинальности, когнитивной ценности, интеллектуализме, избытке выразительности” [41, с. 25]. Все эти качества единодушно признаны присущими книге Муратова. Блум определил и минимальный период времени, необходимый для верификации каноничности текста: около двух поколений после смерти писателя [41, с. 463]. “Образы Италии” удовлетворяют и этому условию — и даже с избытком.

Включать ли Муратова в каноническую парадигму классиков русской литературы — это вопрос

² Курсив автора. — Р. Джулиани.

открытый; но, безусловно, историческая судьба его книги демонстрирует экстраординарную инерционность русского литературного канона и его сопротивление каким бы то ни было изменениям. Почему, например, в каждом труде, посвященном истории русской литературы, непременно фигурируют Чаадаев и его “Философические письма”, заведомо не принадлежащие к разряду художественных текстов? Если в истории литературы есть место для авторов и произведений, значимых с точки зрения идеологии и философии, то почему в ней не находится места для тех писателей, произведения которых, помимо их самостоятельной ценности, стали знаковыми для их культурной эпохи? Можно ли изолировать литературу от культуры?

Вот вопросы, которые я предлагаю коллегам, занимающимся теорией литературы.

В заключение предлагаю несколько кратких соображений.

В далеком 1953 г., во втором издании своей знаменитой книги “Европейская литература и латинское Средневековье”, Э.Р. Курциус утверждал, что европейская литература конца XIX — начала XX вв. “еще недостаточно изучена, еще не выяснено, что в ней мертво, а что живо” [42, с. 24], и отмечал необходимость “достаточно длительного времени для изживания наследия эпох декаданса и эстетической убогости” [42, с. 436]. Эти утверждения кажутся мне вполне применимыми и к русской литературе, и к шедевру Муратова, который во всё продолжение семидесятилетнего советского режима оставался жертвой не только идеологической цензуры, способствовавшей забвению памяти о писателе, но и неоспоримого культурного застоя, в который погрузилась вся страна. Именно по причине неизмеримости постигнувших XX век “культурных катастроф” Курциус утверждал “настоятельную необходимость” восстановления “памяти” [42, с. 438]. “Образы Италии” неоспоримо составляют часть русской (и не только русской) культурной памяти.

И под конец я хотела бы обратиться к кардинальному концепту муратовских представлений о мире и искусстве — к концепту красоты, который в той же мере присутствовал и в сознании великого наставника русского писателя, Уолтера Патера, с произведениями которого Муратов первым познакомил русского читателя в 1908 г. [43]. Английский критик говорил о “Доме Красоты”: “*That House Beautiful* which the creative minds of all generations — the artists and those who have treated life in the spirit of art — are always building together” [44, с. 243]. Слова Патера нашли живой отклик

в работах Курциуса, который настоятельно подчеркивал важность канона, ориентированного на идею красоты: “Поэтому Дом Красоты никогда не будет достроен и заперт. Он постоянно достраивается и остается открытым” [42, с. 439].

Перевод с итальянского О.Б. Лебедевой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Муратов П.П. Образы Италии / Ред., коммент. и послесл. В.Н. Гращенкова. М.: Галарт, 1993. Т. 1. 326 с.; Т. 2—3. 1994. 460 с.
2. Муратов П.П. Образы Италии / Подг. текста и послесл. В.М. Толмачева. М.: Республика, 1994. 588 с.
3. Муратов П.П. Образы Италии. Т. 1—3. [Берлин]: З.И. Гржебин, 1924. 377+291+368 с.
4. Муратов П. Образы Италии. М.: Научное слово, 1911. Т. 1. 1911. 265 с.; 1912. Т. 2. 159 с.
5. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919—1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 292 с.
6. Струве Г. Русская литература в изгнании. 2-е изд., испр. и доп. Paris: YMCA-PRESS, 1984. 419 с.
7. Terras V. A History of Russian Literature. New Haven; London: Yale University Press, 1991. XX, 654 с.
8. Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. London: Overseas Publ. Interchange, 1988. 922 с.
9. Lo Gatto E. “Immagini d'Italia” di P. Muratov // Lo Gatto E. Pagine di storia e di letteratura russa. Roma: Anonima Romana Editoriale, 1928.
10. Lo Gatto E. Boris Zajcev e Pavel Muratov // Lo Gatto E. I miei incontri con la Russia. Milano: Mursia, 1976.
11. Lo Gatto E. Storia della letteratura russa. V ed. Firenze: Sansoni, 1964.
12. Lo Gatto E. La letteratura russa moderna. Firenze-Milano: Sansoni/Accademia, 1968.
13. Lo Gatto E. Profilo della letteratura russa dalle origini a Solženicyn. Milano: Mondadori, 1975.
14. Щемелева Л.М. Муратов Павел Павлович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 4: М—П. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. С. 171—175.
15. Толмачев В.М. Муратов Павел Павлович // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918—1940) / Гл. ред. А.Н. Николюкин. Т. 1: Писатели русского зарубежья. Ч. 2. М.: ИНИОН, 1994.
16. Толмачев В.М. Муратов Павел Павлович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М.: РОССПЭН, 1997.

17. Ваганова И. В. Муратов Павел Павлович // Русские писатели. XX век. Библиографический словарь. В 2 ч. М.: Просвещение, 1998. Ч. 2. С. 69–72.
18. История русской литературы XX века (20–90-е годы). Основные имена / Под ред. С. И. Кормилова. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. 480 с.
19. Абелюк Е., Поливанов К. История русской литературы XX века. В 2 кн. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
20. Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков / Ред. — составители А. Г. Гачева, С. Г. Семенова, Е. М. Трубилова. Т. 1. Кн. 1–2. М.: ИМЛИ РАН, 2016.
21. История русской литературы XX — начала XXI века. Ч. 1: 1890–1925 годы / Сост. и науч. ред. В. И. Корвин. М.: ВЛАДОС, 2014. 496 с.
22. Storia della letteratura russa. Diretta da E. Etkind, G. Nivat, I. Serman, V. Strada. T. III. Il Novecento. Vol. I. Dal decadentismo all'avanguardia. Torino: Einaudi, 1989.
23. Storia della civiltà letteraria russa. Diretta da M. Colucci e R. Picchio. Vol. 1–2 Torino: UTET, 1997.
24. Carpi G. Storia della letteratura russa. II. Dalla rivoluzione d'Ottobre a oggi. Roma: Carocci, 2016; Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S. A History of Russian Literature. New York. Oxford University Press. 2018.
25. James C. Paul Muratov. Он же. Cultural Amnesia. Necessary Memories from History and the Arts. New York; London: Norton & Co, 2007.
26. Деотто П. Библиография П. П. Муратова // Archivio Italo-Russo II — Русско-итальянский архив II / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Salerno: Europa Orientalis, 2002. С. 365–394.
27. Деотто П. Путевые заметки Муратова на грани двух жанров // Studi in ricordo di Carmen Sánchez Montero / A cura di G. Benelli e G. Tonini. Vol. 1. Trieste: EUT, 2006. С. 85–93.
28. Рицци Д. Литературный и художественный контекст в “итальянских” новеллах П. Муратова. // “Вторая проза”. Русская проза 20-х — 30-х годов XX века. Trento: Università degli studi di Trento, 1995. С. 179–195.
29. Фоминых Т. Н., Каспирович Н. А. Художественная проза П. П. Муратова в литературной критике 1920-х гг. и в современном литературоведении // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 3 (9). С. 103–109.
30. Иванов Г. В. <Рец.> “Современные Записки”. Книга XXXIII // Иванов Г. В. Собр. сочинений: В 3 т. Т. 3. М.: Согласие, 1994. С. 505–510.
31. Слоним М. <Рец.> Муратов П. “Эгерия”. Берлин, 1922 // Воля России. 1923. № 5. С. 53–61.
32. Алданов М. <Рец.> П. П. Муратов. “Эгерия”. Издательство З. И. Гржебина, 1922 // Современные записки. 1923. Т. 15. С. 403–406.
33. Ходасевич В. Ф. <Рец.> П. Муратов. “Магические рассказы”. Издательство “Возрождение”. Париж, 1928 // Ходасевич В. Ф. Собр. сочинений: В 4 т. Т. 2. М.: Согласие, 1996. С. 178–180.
34. Virolajnen M. Criteri di “canonicità” dei testi letterari // Critica del testo. 2007. X/1: Il canone europeo. P. 59–65.
35. Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М.: Языки славянских культур, 2007. 656 с.
36. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. “Письма русского путешественника” Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Издание подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1984. С. 525–606.
37. Caillois R. Vocabolario estetico. Milano: Bompiani, 1991. 140 p.
38. Медарич, М. Автобиография/автобиографизм // Автоинтерпретация. Сб. статей по русской литературе XII–XX вв. Под ред. А. Б. Муратова и Л. А. Иезуитовой, СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. С. 5–32.
39. Муратов П. Искусство прозы // Современные записки. 1926. Т. 28. С. 240–268.
40. Толстой Л. Н. Что такое искусство? // Толстой Л. Н. Полн. собр. сочинений: В 90 т. Т. 30. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1951. С. 27–203.
41. Bloom, H. Il canone occidentale / A cura di F. Saba Sardi. 3th ed. Milano: Bompiani, 2005.
42. Curtius E. R. Letteratura europea e Medio Evo latino / A cura di R. Antonelli. Firenze: La Nuova Italia, 1992.
43. Пампер У. Воображаемые портреты. Ребенок в доме / Пер. с англ. и вступ. статья П. Муратова. М.: В. М. Саблин, 1908. [10], 203 с.
44. Pater W. Appreciations. With an Essay on Style. London; New York: Macmillan and Co., 1889. 400 p.

REFERENCES

1. Muratov, P. P. *Obrazy Italii* [Images of Italy]. Ed., comments and afterword by V. N. Grashenkov. Moscow, Galart Publ., 1993, Vol. 1. 326 p.; 1994, Vol. 2–3. 460 p. (In Russ.)
2. Muratov, P. P. *Obrazy Italii* [Images of Italy]. Ed. and afterwords by V. M. Tolmachyov. Moscow, Respublika Publ., 1994. 588 p. (In Russ.)
3. Muratov, P. *Obrazy Italii* [Images of Italy]. Vols. 1–2. [Berlin], Z. I. Grzhebin Publ., 1924. 377+291+368 p. (In Russ.)

4. Muratov, P. *Obrazy Italii* [Images of Italy]. Moscow, Nauchnoe Slovo Publ., 1911, Vol. 1. 265 p.; 1912, Vol. 2. 159 p. (In Russ.)
5. Raev, M. *Rossija za rubezhom. Istoriya kultury russkoy emigracii, 1919–1939* [Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939]. Moscow, Progress-Akademija Publ., 1994. (In Russ.)
6. Struve, G. *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian Literature in Emigration]. 2th ed. Paris, YMCA-PRESS, 1984. 419 p. (In Russ.)
7. Terras, V. A History of Russian Literature. New Haven and London, Yale University Press, 1991. XX, 654 p.
8. Kazack, W. *Entsiklopedicheskij slovar' russkoy literatury s 1917 goda* [Encyclopedic Dictionary of Russian Literature since 1917]. London, Overseas Publ. Interchange, 1988. 922 p. (In Russ.)
9. Lo Gatto, E. “Immagini d'Italia” di P. Muratov. In: Lo Gatto, E. Pagine di storia e di letteratura russa. Roma, Anonima Romana Editoriale, 1928.
10. Lo Gatto, E. Boris Zajcev e Pavel Muratov. In: Lo Gatto, E. I miei incontri con la Russia. Milano, Mursia, 1976.
11. Lo Gatto, E. Storia della letteratura russa. 5th ed. Firenze, Sansoni, 1964.
12. Lo Gatto, E. La letteratura russa moderna. Firenze-Milano, Sansoni/Accademia, 1968.
13. Lo Gatto, E. Profilo della letteratura russa dalle origini a Solženicyn. Milano, Mondadori, 1975.
14. Schemelyova, L.M. Muratov Pavel Pavlovich. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Vol. 4. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya Entsiklopediya Publ., 1999, pp. 171–175. (In Russ.)
15. Tolmachyov, V.M. Muratov P.P. *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya (1918–1940). T. 1. Pisateli russkogo zarubezh'ya* [Literary Encyclopedia of Russian Abroad (1918–1940). Vol. 1 Writers of Russian Diaspora abroad]. Moscow, INION Publ., 1994, Part 2, pp. 69–72. (In Russ.)
16. Tolmachyov, V.M., Muratov P.P. *Russkoe zarubezh'e. Zolotaya kniga emigratsii. Pervaya tret' XX veka. Entsiklopedicheskij biograficheskij slovar'* [Russia Abroad. The Golden Book of Emigration. An Encyclopedic Biographical Dictionary] Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. (In Russ.)
17. Vaganova, I.V. Muratov Pavel Pavlovich. *Russkie pisateli XX vek. Bibliograficheskij slovar'* [Russian Writers. XX Century. Bibliographical Dictionary in 2 Parts]. Moscow, Prosveschenie Publ., 1998. Part 2. (In Russ.)
18. *Istoriya russkoj literatury XX veka (20–90 gody). Osnovnye imena* [A History of Russian Literature of XX Century (1920s–1990s). The Most Important Names]. Ed. S.I. Kormilov. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1998. 480 p. (In Russ.)
19. Abelyuk E., Polivanov K. *Istoriya russkoj literatury XX veka*. [A History of Russian Literature of XX Century]. 2 Vols. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. (In Russ.)
20. *Russkaya literatura 1920–1930-kh godov. Portrety prozaikov* [Russian Literature 1920s–1930s. Prose Writers Portraits]. Eds. A.G. Gacheva, S.G. Semyonova, E.M. Trubilova. Vol. 1. Parts 1–2. Moscow, 2016. (In Russ.)
21. *Istoriya russkoj literatury XX – nachala XXI veka. Chast' I. 1890–1925* [A History of Russian Literature of XX – Beginning XXI Century. Part I. 1890–1925]. Ed. V.I. Korovin. Moscow, VLADOS Publ., 2014. 496 p. (In Russ.)
22. Storia della letteratura russa. Diretta da E. Etkind, G. Nivat, I. Serman, V. Strada. T. III. Il Novecento. Vol. I. Dal decadentismo all'avanguardia. Torino, Einaudi, 1989.
23. Storia della civiltà letteraria russa. Diretta da M. Colucci e R. Picchio. Vol. 1–2. Torino, UTET, 1997.
24. Carpi, G. Storia della letteratura russa. II. Dalla rivoluzione d'Ottobre a oggi. Roma: Carocci, 2016; Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S. A History of Russian Literature. New York. Oxford University Press. 2018.
25. James, C. Paul Muratov. In: James, C. Cultural Amnesia. Necessary Memories from History and the Arts. New York, London, Norton & Co, 2007.
26. Deotto, P. A *Bibliografiya P.P. Muratova* [Bibliography of P.P. Muratov]. *Archivio Italo-Russo. Russian-Italian Archive II*. Eds. D. Rizzi and A. Shishkin. Salerno, Europa Orientalis Publ., 2002, pp. 365–394. (In Russ.)
27. Deotto, P. *Putevyje zametki Muratova na grani dvuh zhanrov* [Muratov's Travel Notes between Two Genres]. *Studi in ricordo di Carmen Sánchez Montero*. A cura di G. Benelli e G. Tonini. Vol 1. Trieste: EUT, 2006, pp. 85–93. (In Russ.)
28. Rizzi, D. *Literaturnyj b khudozhestvennyj kontekst v "ital'anskih novellah P. Muratova* [Literary and Artistic Context in P. Muratov's "Italian" Novellas]. “*Vtoraya proza*”. *Russkaya proza 20-kh – 30-kh godov XX veka*. [“Second prose”. Russian Prose of 1920–1930s of XX Century]. Trento, Università degli studi di Trento, 1995, pp. 179–195. (In Russ.)
29. Fominykh T.N., Kaspirovich N.A. *Khudozhestvennaya proza P.P. Muratova v literaturnoj kritike 1920-kh gg. i v sovremennom literaturovedenii* [P.P. Muratov's Fiction in Literary Criticism of the 1920s and in Modern Literary Study]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010, Issue 3 (9), pp. 103–109. (In Russ.)

30. Ivanov, G.V. <Rev.> “*Sovremennye zapiski*”. *Kniga XXXIII* [“Contemporary Papers”. Book XXXI-II]. Ivanov, G.V. *Sobranije. sochinenij v 3 t.* [Collected Works in 3 vols.]. Vol. 3. Moscow, Soglasie Publ., 1994, pp. 505–510. (In Russ.)
31. Slonim, M. <Rev.> Muratov P. “Egeria”, Berlin, 1922. *Volja Rossii*. 1923, No 5, pp. 53–61. (In Russ.)
32. Aldanov, M. <Rev.>. P. P. Muratov. “Egeria”. Z.I. Grzhebin Publ., 1922. *Sovremennye Zapiski*. 1923, Vol. XV, pp. 403–406. (In Russ.)
33. Khodasevich V.F. <Rev.>. P. Muratov. “Magical Tales”. “Vozrozhdenie” Publ. Paris, 1928. In: Khodasevich, V.F. *Sobranije. sochinenij v 4 t.* [Collected Works in 4 Vols.]. Vol. 2. Moscow, Soglasie Publ., 1996, pp. 178–180. (In Russ.)
34. Virolajnen, M. Criteri di “canonicità” dei testi letterari. *Critica del testo*. 2007, X/№ 1, Il canone europeo, pp. 59–65.
35. Bocharov, S.G. *Filologicheskie szuzhety* [Philological Subjects]. Moscow, Jazyki slavyanskikh kultur Publ., 2007. 656 p. (In Russ.)
36. Lotman Yu.M., Uspensky B.A. “*Pis'ma russkogo puteshestvennika*” *Karamzina i ikh mesto v razvitii russkoj kultury* [Karamzin’s “Letters of a Russian Traveler” and its place in the Evolution of Russian Culture]. Karamzin, N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Eds. Yu.M. Lotman, N.A. Marchenko, B.A. Uspensky. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 525–606. (In Russ.)
37. Caillois, R. *Vocabolario estetico*. Milano, Bompiani, 1991. 140 p.
38. Medarich, M., Autobiography/autobiographism. *Avtointerpretatsija. Sbornik statej po russkoj literature XII–XX vv.* [Self-interpretation. Collected Articles on Russian Literature of the XII–XX Centuries]. Eds. A.B. Muratov and L.A. Iezuitova. St. Petersburg, St. Peterburg University Publ., 1998, pp. 5–32. (In Russ.)
39. Muratov, P. *Iskusstvo prozy* [The Art of Prose]. *Sovremennye Zapiski*. 1926, Vol. XXIX, pp. 240–268. (In Russ.)
40. Tolstoy, L.N. *Chto takoe iskusstvo?* [What is Art?]. Tolstoy, L.N. *Polnoe sobranije sochinenij v 90 t.* [Complete Works in 90 Vols.]. Vol. 30. Moscow, 1951, pp. 27–203. (In Russ.)
41. Bloom, H. *Il canone occidentale* / A cura di F. Saba Sardi. 3th ed. Milano, Bompiani, 2005.
42. Curtius, E.R. *Letteratura europea e Medio Evo latino* / A cura di R. Antonelli. Firenze: La Nuova Italia, 1992.
43. Pater, W. *Voobrazhaemye portrety. Rebyenok v dome* [Imaginary Portraits. The Child in the House]. Trans. from English and introduct. article by P. Muratov. Moscow, V.M. Sablin Publ., 1908. [10], 203 p. (In Russ.)
44. Pater, W. *Appreciations. With an Essay on Style*. London, New York, Macmillan and Co., 1889. 400 p.